

**ЖИЗНЬ ПИСАТЕЛЯ И ЛИТЕРАТУРА
В ЛИТЕРАТУРНОМ СОЗНАНИИ
ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ XIX ВЕКА
(ЖУКОВСКИЙ — ПУШКИН)**

В изучении истории литературы существенную роль играют наблюдения над изменениями в литературном сознании, формирующими новое отношение к задачам литературы. Для первых десятилетий XIX века характерно изменение представлений о роли авторского начала в литературе, осознание тесной связи жизни и произведений писателя, определяющей единство его творчества. В России решающую роль в этом отношении сыграла поэзия Пушкина, восприятие которой и современниками и последующими поколениями предполагало представление о гармоническом слиянии жизни и личности поэта с его творчеством. Феномен Пушкина в известной мере уникален, и тем не менее он не единичен, возможность подобного восприятия коренится в предшествующих и современных ему литературных тенденциях, равно проявившихся как в поэтической практике, так и в литературном сознании эпохи.

В предлагаемой статье затрагивается именно эта сторона вопроса применительно к наследию В. А. Жуковского, поэзия которого глубоко и органично воплотила в себе новое литературное сознание. Опыт Жуковского, несомненно, прежде всего учитывался Пушкиным и был особенно важен для него. Речь однако пойдет здесь не о творческих контактах обоих поэтов и даже не о поэтическом творчестве Жуковского.¹ Жуковский привлекается как поэт, для которого взаим-

¹ О творческом воздействии Жуковского на лицейского Пушкина в указанном отношении см.: Сидяков Л. С. Пушкин и Жуковский: (У истоков биографизма пушкинской лирики). — Изв. АН СССР: Серия лит. и яз., 1984, № 3, с. 195—203.

ное пересечение жизни и поэзии, биографических и литературных ситуаций оказалось предметом рефлексии. Подтверждение этому — ранние статьи Жуковского и его дневники и письма, особенно связанные с историей любви поэта к М. А. Протасовой-Мойер, — они обнаруживают, насколько жизненные перипетии его романа переплетались с литературным творчеством, претворяя таким образом *жизнь* писателя в непосредственный материал для его *поэзии*. Одновременно мысли, высказанные в текстах личного характера, легко связываются с положениями статей Жуковского, утверждавших не только литературную, но и жизненную позицию поэта.

Тесная связь жизни Жуковского с его поэзией давно, начиная с В. Г. Белинского,² стала предметом пристального внимания. Уже первые биографы поэта настойчиво утверждали эту мысль. «Лучшими дополнениями к его биографии» считал многие стихотворения Жуковского П. А. Плетнев.³ «Нет, может быть, ни одного поэта, у которого вдохновение и художественная деятельность были бы в более тесной связи с жизнью, чем у Жуковского», — писал Я. К. Грот.⁴ Известно, какую большую роль отводил жизни поэта, характеризуя творческую личность Жуковского, А. Н. Веселовский. Не чужды подобным представлениям и современные исследователи: Жуковский, утверждает И. М. Семенко, «был лирическим поэтом, творчество которого питалось в первую очередь его жизненным опытом».⁵ Будучи очевидным, это представление не нуждается теперь в подробных доказательствах. Многократно отмечалось в этой связи и соотношение многих лирических стихотворений Жуковского со стоящими за ними определенными жизненными обстоятельствами, независимо от того, что стихотворения имели чаще всего заимствованную основу («Это Шиллер, приложенный к сердечной истории Жуковского», — писал, например, А. Н. Веселовский о стихотворении 1819 года «К Эмме».⁶ Эта сторона вопроса, таким образом, достаточно хорошо изучена. Меньше внимания уделялось другой стороне проблемы — именно

² См.: Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. М., 1955, т. VII, с. 190.

³ Плетнев П. А. Сочинения и переписка. СПб., 1885, т. 3, с. 55.

⁴ Грот Я. К. Груды. СПб., 1901, т. III, с. 173.

⁵ Семенко И. М. Жизнь и поэзия Жуковского. М., 1975, с. 39.

⁶ Веселовский А. Н. В. А. Жуковский: Поэзия чувства и сердечного воображения. Пг., 1918, с. 206—207.

тому, насколько осознанным было это обстоятельство для самого Жуковского, в какой мере биографическая соотнесенность его поэзии была для него фактом непосредственного литературного сознания. К этому аспекту и необходимо привлечь внимание.

На рубеже XVIII и XIX веков существенно изменяется представление о роли авторского начала в литературе. Н. М. Карамзин сформулировал его в статье 1792 года «Что нужно автору?». В ней он связал содержание литературных произведений с эмоциональным миром автора, которому, наряду с «острым пронизательным разумом, живым воображением и проч.», «надобно иметь и доброе, нежное сердце, если он хочет быть другом и любимцем души нашей. < . . . > Творец всегда изображается в творении и часто — против воли своей». «Ты берешься за перо и хочешь быть автором — спроси же у самого себя, наедине, без свидетелей, искренно: *каков я? Ибо ты хочешь писать портрет души и сердца своего*».⁷

Речь, правда, у Карамзина идет скорее о том, что современная наука определила как «образ автора», о литературном лице автора, и тем не менее положения его статьи предполагают возможность выхода за эти пределы, связывая творчество писателя с его человеческим, прежде всего нравственным обликом: «я уверен, — заключал Карамзин свою статью, — что дурной человек не может быть хорошим автором».⁸

Жуковский, воспринимавший себя продолжателем карамзинских традиций («Как писатель, я был учеником Карамзина»),⁹ естественно усваивает — частично при посредстве и других источников — и эти положения своего учителя. В своем «Журнале» (запись 10 июля 1805 года) он формулирует близкое Карамзину положение: «Будь добрым, научись или по крайней мере желай тому следовать, что хочешь предложить в пример обществу, и бери перо в руки без зазрения совести».¹⁰ И в статьях периода «Вестника Европы» Жуковский настаивал на нравственном потенциале писательской личности как основе творческих достижений.

⁷ Карамзин Н. М. Сочинения: В 2-х т. Л., 1984, т. 2, с. 60—61.

⁸ Там же, с. 62.

⁹ Жуковский В. А. Полное собрание сочинений: В 3-х т. Пг., 1918, т. 3, с. 443.

¹⁰ Жуковский В. А. Дневники. СПб., 1901, с. 17.

«Искусство стихотворное дает понятие стихотворцу о том, что должен он делать как артист; но стихотворец именно потому, что он стихотворец, ужели не имеет никаких других обязанностей, перестает ли быть человеком, почитателем Бога, членом общества, сыном отечества? А будучи ими, ужели не имеет других важнейших обязанностей, всегда неразлучных с обязанностями поэта? Может ли он сказать самому себе: уничтожу все прочие свои отношения и буду единственно стихотворцем? А если не может он уничтожить сих отношений, то может ли пренебречь и должности, необходимо соединенные с ними? И какой читатель захочет предположить в нем сей произвольный разрыв с самим собою? Но всякий читатель, будучи критиком стихотворца, есть в то же время и судия человека; и горе поэту, если одобрение судии не будет для него столь же важно, как и одобрение критика!»¹¹

Эта мысль нашла свое развитие и в статье «О поэзии древних и новых» (1811), в которой утверждает, что поэт-«воспитанник новых времен» занимает читателя «более собою, нежели своим предметом. Стихотворец новейший всегда изображает предмет в отношении к самому себе: он не наполнен им, не предает себя ему совершенно; он пользуется им, дабы изобразить в нем себя, дабы читателю посредством предмета своего предложить *собственные* наблюдения, мысли и чувства».¹²

Можно ограничиться этими немногими суждениями, поскольку сейчас меня занимает не столько теоретическая мысль Жуковского, тем более, что и касается он в ней более отражения в поэзии личности, а не жизни поэта, сколько самосущение, из которого он исходит. Представление о тесной связи жизни поэта и его литературной деятельности не является для Жуковского теоретической абстракцией; оно оказывается убеждением, подтвержденным и постоянно подтверждаемым его собственным жизненным опытом — особенно трагическим опытом его несчастной любви. Нет нужды подробно останавливаться на истории романа Жуковского с М. А. Протасовой-Мойер — этот биографический сюжет

¹¹ Жуковский В. А. О нравственной пользе поэзии: (Письмо к Филалету). — В кн.: Жуковский В. А. Эстетика и критика. М.: Искусство, 1985, с. 181.

¹² Там же, с. 292.

неоднократно служил предметом пристального внимания;¹³ доступен и основной круг относящихся к нему материалов.¹⁴ Достаточно ограничиться поэтому лишь наблюдениями над тем, как в дневниках и письмах Жуковского этой поры жизненные переживания дают повод непосредственно соотносить их с литературной деятельностью поэта. Процесс этот двусторонен: с одной стороны, жизнь (переживания автора) давала материал для стихов, с другой, — сами стихи превращались для Жуковского в факты его жизни: из них он извлекает житейскую мудрость, поддерживающую его в трудные минуты. Показателен в этом отношении случай с «Теоном и Эсином» (начало декабря 1814 года); написанное в момент, когда интенсивная борьба Жуковского за личное счастье терпела очевидное крушение («От Дерптской жизни не жду ни счастья, ни покоя», — писал он А. И. Тургеневу 1 декабря 1814 года),¹⁵ это стихотворение наиболее полно воплотило в себе жизненную философию поэта; не случайно выработанные в нем поэтические формулы приобретают для Жуковского силу житейских принципов.

Еще А. Н. Веселовский обратил внимание на особое пристрастие Жуковского к афоризму Теона «Всё в жизни к великому средство» (иногда многозначительно видоизменяемому на «Всё в жизни к прекрасному средство»)¹⁶. Действительно, слова эти многократно применяются Жуковским к самому себе и к обстоятельствам его жизни; в этом афоризме он находит нравственную поддержку в собственных жизненных невзгодах. Так, например, обращаясь в апреле 1815 года к М. Протасовой и «возвращая» ей прежние свои чувства, Жуковский пишет: «Расстояние разделит ли наши сердца, полные друг другом! То чувство, которое нас связывает здесь, через короткое время свяжет теснее там, где нет раз-

¹³ См., напр.: Троицкий А. Н. М. А. Мойер в жизни и поэзии Жуковского. — В кн.: Сборник Учено-литературного общества при имд. Юрьевском университете. Юрьев, 1903, т. VI, с. 62—79; Сакуллин П. Н. М. А. Протасова-Мойер по ее письмам. — Изв. ОРЯС, 1908, т. XII, кн. 1, с. 1—39, кн. 2, с. 1—44. Ср. соответствующие главы в указ. выше монографиях А. Н. Веселовского, И. М. Семенко и др.

¹⁴ См., напр.: Русская старина, 1883, кн. 1—10; Уткинский сборник. М., 1904, т. I; Жуковский В. А. Письма-дневники 1814 и 1815 годов. СПб., 1907 и др.

¹⁵ Жуковский В. А. Письма к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895, с. 133.

¹⁶ См.: Веселовский А. Н. Указ. соч., с. 170, 178, 179.

луки! Всё в жизни к великому средство! Воспользуемся этим средством как угодно Провидению! без ропота, с полной надеждою, что все доброе будет иметь свою награду!» И далее там же: «У меня есть одно правило, которого теперь не отдам за миллион. *Всё в жизни к великому; средство.* Это правило можно применить не только ко всей жизни, но и ко всякой минуте, ко всякому обстоятельству жизни. Я уже обязан ему многими хорошими минутами и с ним нигде и никогда пропасть не можно».¹⁷ Ср. в более раннем письме к М. Протасовой (март 1815 года), в котором Жуковский, сообщая о требовании ее матери покинуть Дерпт («для сохранения твоей и ее репутации»), также ищет утешения в найденной им спасительной формуле: «Теперь, что мне осталось? Начинать новую жизнь без цели, без бодрости и за каким счастьем гнаться? Так и быть! всё в жизни к прекрасному средство! Но сердце ноет, когда подумаешь, чего и для чего меня лишили».¹⁸

Такое применение стихотворных формул к конкретным жизненным ситуациям возможно лишь в условиях, когда жизнь и литература мыслятся в неразрывном единстве и осознаются как взаимно дополняющие друг друга. Дневники и письма Жуковского показывают, что ощущение жизненной основы его стихов позволяло свободно включать скрытые цитаты из них в прямое изложение своих чувств и жизненных переживаний. Так, в цитированной выше записи дерптского полудневника-полуписьма, обращенного к М. Протасовой (апрель 1815 года), Жуковский, имея в виду суровое требование Е. А. Протасовой, замечает: «И так надобно *расстаться*. Ты теперь уверена, что за счастливое *вместе* я отдавал всё до невозможного. Не помогло ничто».¹⁹ «Счастливое *вместе*» — это, конечно, парафраза стихов из «Золотой арфы» (1814), баллады, сюжет которой, как известно, навеян любовной драмой Жуковского: «Минутная сладость Веселого *вместе*, помедли, постой...»²⁰ и т. д. (Ср. в письме Жуковского А. Тургеневу, в котором, говоря о предстоящей

¹⁷ Гофман М. Л. Пушкинский Музей А. Ф. Онегина в Париже: Общий обзор, описание и извлечения из рукописного собрания. Париж, 1926, с. 110—111, 121.

¹⁸ Русская старина, 1883, кн. 3, с. 669, 670.

¹⁹ Гофман М. Л. Пушкинский Музей А. Ф. Онегина, с. 119.

²⁰ Жуковский В. А. Собрание сочинений: В 4-х т. М.; Л., 1959, т. 2, с. 75.

поездке в Дерпт, поэт выражает надежду на утешение в общении с М. Протасовой: «Но всё заменится милым *вместе...*».²¹

К драматическим ситуациям своей жизни Жуковский применяет еще одну цитату из «Теона и Эсхина» — «Для сердца прошедшее вечно». «Прошедшее» («минувшее») — понятие, чрезвычайно важное в поэтическом мире Жуковского, определяющее во многом романтические основы его мировоззрения:

О наша жизнь, где верны лишь утраты,
Где милому мгновенье лишь дано,
Где скорь без крыл, а радости крылаты
И где навек минувшее одно...²²

Понятие это важно для Жуковского и при построении его жизненной философии. В апрельском письме-дневнике 1815 года, обращенном к М. Протасовой, Жуковский пишет: «Надобно иметь в прошедшем верного, доброго товарища настоящему. *Для сердца прошедшее вечно* — а наше с тобой прошедшее есть самый необходимый друг наш. Только с ним будет и настоящее для нас прелестно».²³ (Ср. в послании 1808 года «К Филалету»: «Какое счастье мне в будущем известно? Грядущее для нас протекшим лишь прелестно»)²⁴ Мысль о прошлом, которое, минуя настоящее, соединяет человека с будущим — одно из краеугольных представлений романтической концепции Жуковского. Здесь не место подробно характеризовать ее; отмечу лишь, что в житейском плане эта концепция находит свой аналог в той «философии фонаря» (А. Н. Веселовский), которая поддерживает оптимистическое, несмотря на все испытания, умонастроение поэта. Жуковский не раз обращался в своих рассуждениях к этому образу, сравнивая прошедшие радости с фонарями, ряд которых, оставаясь позади, освещает человеку его путь: «Удовольствие — фонарь, зажженный на дороге жизни, воспоминание — свет, а счастье — ряд этих прекрасных воспоминаний, которые все сливаются в одно общее тихое, ясное чувство, и которые всю жизнь озаряют. Чем чаще фонари —

²¹ Жуковский В. А. Письма к Александру Ивановичу Тургеневу, с. 133.

²² Жуковский В. А. Собрание сочинений: В 4-х т., т. 1, с. 316.

²³ Жуковский В. А. Письма-дневники 1814 и 1815 гг., с. 69.

²⁴ Жуковский В. А. Собрание сочинений: В 4-х т., т. 1, с. 77.

тем светлее дорога!»²⁵ Ср. в письме А. П. Киреевской 24 мая 1815 года: «Для меня в жизни есть только прошедшее и одна настоящая минута, которою пользоваться для добра, если можно — *зажигать свой фонарь, не заботясь о тех, которые удастся зажечь после.* < . . . > Оглянешься назад и увидишь светлую дорогу».²⁶ Поэтому, даже трагически пережив кончину М. Протасовой, Жуковский, оставаясь верным себе, мог искать утешения в том, что теперь всё, связанное с ней, обращается в прошедшее: «На будущее можно глядеть спокойно, ибо оно уже не отымет счастья. Обратимся к прошедшему».²⁷

Как видим, для Жуковского характерно тесное переплетение поэтического мировоззрения и жизненных принципов; его житейская мудрость сознательно возводится к тем же источникам; мысли, почерпнутые поэтом из его стихотворений, легко превращаются в практические советы и наставления. Не случайно поэтому в анализируемом круге биографических материалов нередко возникают и мысли о поэзии, воспринимаемой в тесном единстве с жизнью; они связаны с важными для Жуковского размышлениями о своей судьбе и о роли, которую может и должна играть в ней поэтическая деятельность. Находясь летом 1816 года в Риге, поэт делает большую дневниковую запись, в которой, размышляя о пройденном им пути, выражает озабоченность его результатами, виной чему недостаточное воспитание и неблагоприятные обстоятельства жизни. «Воспитание не развернуло понятия, не открыло цели, не родило деятельность». Обстоятельства помогли уничтожить деятельность...». В поисках выхода из этого положения («Я в тридцать лет ребенок, с неспорченностью, но зато и с неопытностью и с невежеством ребенка») Жуковский обращается к мысли о поэзии как «особенной цели», к достижению которой должно себя подготовить: «Особенная цель: поэзия в высоком смысле, то есть соединенная с нравственностью, такая, чтобы могла иметь влияние благотворное и усовершенствование собственного характера (приобретение): ясных мыслей о жизни, привычка исполнять их на деле».²⁸ Мысль поэта, таким образом,

²⁵ Жуковский В. А. Письма-дневники 1814 и 1815 гг., с. 68.

²⁶ Русская старина, 1883, кн. 3, с. 677—678.

²⁷ Там же, кн. 10, с. 82.

²⁸ Гофман М. Л. Пушкинский Музей А. Ф. Онегина, с. 141—142.

возвращается к кругу идей, занимавших его в статьях «Вестника Европы», с той, однако, разницей, что теперь поэзия, соединенная с нравственностью, мыслится прежде всего как источник самовоспитания. Отсюда органичное слияние у Жуковского мыслей о поэзии с размышлениями о личном поведении; более того, поэзия непосредственно соизмеряется с жизнью, выступает бок о бок с ней в неразрывном единстве. «Вот мой кодекс. — записывает Жуковский, обращаясь к М. Протасовой в сентябрьском письме-дневнике 1814 года. — *Писать* (и при этом правило — жить как пишешь, чтобы сочинения были не маска, а зеркало души и поступков). Это будет моею с тобой корреспонденциею. Слава моя будет твоею. Мне сладко думать теперь об уважении, которое могу заслужить от отечества и которого причиною будешь ты. < . . . > Слава моя будет чистая и достойная моего ангела, моей Маши».²⁹ (Ср. в плане, намечавшем жизненные отношения Жуковского с его родственным кругом, составленном им в конце того же 1814 года: «Мне: < . . . > Стихи — слава ей. < . . . > Жить как пишешь»)³⁰.

Восприятие поэзии как непосредственного спутника и «отголоска» жизни³¹ помогало Жуковскому находить в ней утешение в несчастных обстоятельствах его жизни. В письме А. П. Киреевской 19 февраля 1816 года, сообщая о предстоящем замужестве М. Протасовой и выражая надежду на благоприятно складывающееся будущее (что не мешало ему, впрочем, замечать в себе другого человека, «которому бывает больно, когда он заметит привязанность Маши к Мойеру. Этот человек (сколько я заметил) бурлит более к вечеру и думаю, что он живет в желудке!»), Жуковский утверждает свою верность, несмотря ни на что, «прекрасной цели»: «Пре-

²⁹ Жуковский В. А. Письма-дневники 1814 и 1815 гг., с. 42.

³⁰ Жуковский В. А. Дневники, с. 45. Характерно, что и К. Н. Батюшков в статье «Нечто о поэте и поэзии» (1815), говоря о необходимости сделать «науку из жизни стихотворца», формулирует ее задачи в близких Жуковскому выражениях: «Первое правило сей науки должно быть: живи как пишешь, и пиши как живешь. <...> Иначе все отголоски лиры твоей будут фальшивы». Помимо возможного общего источника (Батюшков, кстати, приводит изречение Сенеки: «Talis hominibus fuit oratio, qualis vita» — «Речь людей такова, какой была их жизнь»), совпадение это может быть объяснено выражением обоими поэтами общего для предромантизма и романтизма литературного сознания. См.: Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1977, с. 22.

³¹ Русская старина, 1883, кн. 10, с. 81.

красное можно назвать жизнью, которая *всё жизнь!* <. . .> А поэзия — славный громовой отвод! Теперь мне будет легче беседовать с моею музою! Даже и всё, что есть печального в моей судьбе, теперь не убийственно и близко своею породою к бессмертной музе! Поэзия, идущая рядом с жизнью, товарищ несравненный».³²

Жуковский, таким образом, воспринимает свою жизнь, прежде всего, разумеется, внутреннюю жизнь, жизнь чувства, как непосредственный источник поэзии, и это убеждение играет важную роль в построении его эстетической концепции: «И для меня в то время было Жизнь и Поэзия одно».³³ Хотя речь в данном случае идет о «поэтизации реальной действительности»³⁴, в приведенной поэтической формуле 1824 года закреплено и то представление о неразрывной связи жизни поэта и его творчества, которое вырабатывалось у Жуковского еще десятилетием раньше под влиянием его непосредственного жизненного и душевного опыта. А. Н. Веселовский имел основание говорить о том, что для Жуковского формула «Жизнь и Поэзия одно» «имела, в сущности, реальный смысл».³⁵

Пример Жуковского убедительно показывает, что русское литературное сознание первых десятилетий XIX века вырабатывало представление о непосредственном соотношении жизни писателя и его творчества, причем пример этот важен еще и потому, что обнаруживает, что представление это вырабатывалось не как отвлеченная теоретическая концепция, но возникало прямо в потоке жизненных впечатлений, закрепленных в сугубо личных, интимных формах. Ставшее же фактом поэзии оно создавало традицию, которой следуют ближайшие преемники Жуковского и прежде всего, конечно, Пушкин. У Пушкина мы, правда, не найдем признаний и суждений, прямо сопоставимых с теми, которые прослеживаются у Жуковского; к тому же и слишком отличен характер мышления обоих поэтов. Поэтому выстроить аналогичный рассмотренным здесь материалам пушкинский ряд представляется практически невозможным. Имя Пушкина, поставленное

³² Там же, кн. 8, с. 233, 234.

³³ Жуковский В. А. Собрание сочинений: В 4-х т., т. 1, с. 367.

³⁴ Измайлов Н. В. В. А. Жуковский. — В кн.: Жуковский В. А. Стихотворения. Л., 1956, с. 25.

³⁵ Веселовский А. Н. Указ. соч., с. 242.

в заглавии статьи, необходимо как проекция, имея в виду которую всё то, что было в ней сказано о Жуковском, приобретает не узко локальный, но в известной мере универсальный смысл. Биографизм пушкинской поэзии уходит корнями в русскую литературную традицию, и значение Жуковского в его формировании вполне соответствует почетной роли пролагателя новых путей в поэзии, которую отводит ему история русской литературы.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЛАТВИЙСКОЙ ССР

ЛАТВИЙСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ПЕТРА СТУЧКИ

Кафедра русской литературы

ПУШКИН И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сборник научных трудов

ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. П. СТУЧКИ

РИГА 1986